

Абрамова Анастасия Владимировна

### **СТЫД: ЭТИЧЕСКИЙ АТАВИЗМ ИЛИ МОРАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ЭМОЦИЯ?**

В статье предлагаются этико-философская интерпретация и терминологический анализ такой эмоции как стыд. В этой связи сквозь призму классических и современных этических исследований приводятся позитивные и негативные стороны проявления этой эмоции и определяется ее значение в нравственной жизни. Кроме того, проводится оппозиционное сравнение психологического и этико-философского понимания последствий от переживания стыда, что является необходимым в целях установления его роли в рамках индивидуально-перфекционистской и общественной форм морали.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/1.html](http://www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/1.html)

Источник

### **Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I. С. 13-15. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/](http://www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/)

### **© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

УДК 17.024

**Философские науки**

*В статье предлагаются этико-философская интерпретация и терминологический анализ такой эмоции как стыд. В этой связи сквозь призму классических и современных этических исследований приводятся позитивные и негативные стороны проявления этой эмоции и определяется ее значение в нравственной жизни. Кроме того, проводится оппозиционное сравнение психологического и этико-философского понимания последствий от переживания стыда, что является необходимым в целях установления его роли в рамках индивидуально-перфекционистской и общественной форм морали.*

*Ключевые слова и фразы:* стыд; моральная норма; нравственная цель; вина; рациональность; индивидуальный перфекционизм; эмоциональное переживание.

**Абрамова Анастасия Владимировна**, к. филос. н., доцент  
Российская международная академия туризма (филиал) в г. Туле  
anastya7@yandex.ru

**СТЫД: ЭТИЧЕСКИЙ АТАВИЗМ ИЛИ МОРАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ЭМОЦИЯ?®**

Дефиниции стыда в словарях по этике, как правило, сводятся к тому, что определяют его как «проявление нравственного самосознания личности», как «моральное чувство, в котором человек выражает осуждение своих действий, мотивов и моральных качеств» [1]. Или как «чувство, выражающее осознание человеком своего (а также близких и причастных к нему людей) несоответствия принятым в данной среде нормам или предполагаемым ожиданиям» [6, с. 476].

Иными словами, в определении содержания понятия делается акцент на рациональный компонент стыда, связанный с «самосознанием», «осознанием», анализом, оценкой поступков и т.п. Такое понимание сложилось в результате господства рационалистской традиции, следствием которого явилось игнорирование роли эмоционального компонента в морали. Рефлексия наступает либо под давлением порицания со стороны окружающих, либо как осознание аморальности собственных поступков; однако очевидно, что и в том, и другом случае рациональный процесс является следствием эмоциональных переживаний или сопровождается ими.

Впервые, как ни странно, «эмоциональное» понимание стыда мы встречаем у Аристотеля в «Никомаховой этике»: «О стыде не приличествует говорить как о некоей добродетели, потому что он больше напоминает страсть, нежели склад [души]. Во всяком случае, его определяют как своего рода страх дурной славы, и он доходит почти до такой силы, как страх перед ужасным: от стыда краснеют, а от страха смерти бледнеют. Значит, и то, и другое, в каком-то смысле, – явления телесные, а это считается свойственным, скорее, страсти, нежели [душевному] складу» [1, с. 143].

Считая стыд аффектом, а, говоря современным языком, – эмоцией, и совершенно не считая его добродетелью, Аристотель рассуждает о «стыдливом», заслуживающем с его точки зрения похвалы; при этом он выстраивает систему аргументов, которые, несмотря на признание, своего рода, важности этого эмоционального переживания, ложатся в основу этически-рационального понимания стыда. Эти аргументы и станут фундаментом классической этики в целом – рационалистских этических теорий, выводивших за границы своих исследований эмоции, поскольку последние отождествляются с природной, а не духовной сущностью человека – телесными ощущениями.

Сначала Аристотель говорит о возрастной принадлежности стыда: «Эта страсть, [то есть переживание], подобает не всякому возрасту, но [только] молодому. Мы полагаем, что в определенном возрасте следует быть стыдливими, потому что, живя по страсти, молодые совершают много проступков, а стыдливость препятствует им». Это вполне здравая точка зрения, спорить с которой вряд ли кто осмелится. А вот далее следуют уже мысли, утверждающие абсолютную рациональность морального сознания и поведения человека: «И мы хвалим стыдливых среди молодежи, но человека более взрослого никто, пожалуй, не похвалит за стеснительность. Мы ведь уверены, что он не должен совершать поступки, которых стесняются. Стыдливость, коль скоро она возникла в связи с дурными поступками, чужда порядочному человеку (ведь [ему] не следует их совершать), причём безразлично, воистину постыдны эти деяния или слывят таковыми, потому что ни тех, ни других совершать не следует, чтобы не пришлось стесняться. Свойство же дурного человека – это как раз быть способным совершить нечто постыдное. Нелепо ведёт себя тот, кто, совершив один из постыдных поступков, стесняется и думает, что тем самым он порядочный человек». И, наконец, весь смысл атавистической функции стыда в морали и его неразумной принадлежности заключается во фразе: «Стыд ведь бывает за произвольные поступки, а порядочный человек по своей воле никогда не сделает дурного» [Там же]. Здесь аристотелевская мысль совпадает с сократовской этической максимой, что знание добродетели гарантирует добродетельное поведение. Тем самым, роль стыда сводится к выполнению лишь некоей сигнальной функции, предупреждающей или констатирующей совершение неблагоприятного поступка.

Эта рационалистская тенденция сохраняется и в современной отечественной этике: «Стыд – это непосредственная, импульсивно-эмоциональная реакция человека на реальное или мнимое (ложный стыд) несоответствие его поступков, помыслов или намерений господствующим в обществе и разделяемым им самими нормами морали или правилами общественного поведения» [10, с. 116].

Тем не менее, существует традиция восприятия стыда как эмоции, отличающей человека (духовное существо) от животного. Достаточно ярко это представлено в произведении В. С. Соловьева «Оправдание добра», где тот, перефразируя слова Р. Декарта, отмечает: «...*Я стыжусь, следовательно, существую*, не физически только существую, но и нравственно, – я стыжусь своей животности, следовательно, я еще существую как человек» [8, с. 128]. Подчеркивая, что никакой пользы от стыда собственного тела человек извлечь не может, Соловьев называет эту эмоцию одной из «первичных данных нравственности», возвышающей духовность человека над животным, природным миром. Это философское суждение вступает в противоречие с научной теорией биологической эволюции, ставящей на одну ступень в природном мире человека и животного, что и критикуется В. С. Соловьевым.

Продолжение сохранения этой позиции мы находим у Жюль Делеза, который называет стыд «одной из главных эмоций», отмечая что «духовные сущности, абстрактные идеи – вовсе не то, что принято о них думать: это и есть сами эмоции, аффекты» [4, с. 168]. Развивая эту идею на основе анализа произведений Лоуренса, Делез делает оригинальные наблюдения относительно установления природы стыда: «Дух склоняется над телом: в стыде не было бы ничего особенного без этой склонности, без этого влечения к омерзительному, без нездорового любопытства духа. Это значит, что дух стыдится тела весьма необычным образом: ему стыдно за тело. <...> Стыд за тело подразумевает весьма особенную концепцию тела. Согласно этой концепции, тело обладает независимыми внешними реакциями. Тело – это животное. То, что оно делает, оно делает в одиночку» [Там же, с. 167].

Существует концепция стыда как «новой современной эмоции», которая представлена в работе известного британского ученого Д. Нэша. Он полагает, что «стыд – фундаментальный концепт для многих аспектов истории поведения и эмоций» [7, с. 39], и при этом это весьма малоизученный и даже «непостижимый фактор».

Д. Нэш критикует концепции Н. Элиаса и М. Фуко, согласно которым человеческие общества целенаправленно движутся к сознательным *культурам вины*. Ученый говорит, что сегодня существует тенденция рассматривать стыд как нечто статичное, несложное, одномерное, существующее исключительно в примитивных обществах, которые уступили место современным, более развитым культурам, основанным на концепции вины. Эти взгляды на примитивную природу стыда породили ассоциацию последнего со всем доиндустриальным, экономически отсталым и социально недоразвитым в современном мире.

Соотношение *вины и стыда* ученому представляется следующим образом: «Эта эмоция современности – вина – характеризуется тем, что она присуща только индивиду как субъекту, переживающему чувства и эмоции. Согласно концепции вины, именно индивид трансгрессирует, чувствует необходимость загладить (вину), а затем полностью перестраивает свое естество и оценивает себя *без* апелляции к внешней среде и обществу. Таким образом, в рамках этой парадигмы стыд ассоциируется с коллективом, тогда как вина связывается с индивидом» [Там же, с. 41]. Именно так устанавливается роль стыда как «социальной эмоции», а получая «большее признание, усиливается его роль в социальной и культурной сферах» [Там же, с. 42]. Это, безусловно, важно, т.к. стыд уже не привязан так жестко к вине, что было характерно для подавляющего большинства этических теорий.

Так, с одной стороны, и философы, и психологи отмечают «ненужность» стыда и даже говорят об его разрушающей для личности роли, но, с другой стороны, некоторые этики придают ему потенцию духовности на пути морального самосовершенствования. Это, вероятно, связано с тем, что вообще исследователей морали, прежде всего, настораживает факт натурализации этики, которая, как им представляется, теряет свой некогда имевшийся автономный статус и лидерство в понимании феномена человека. Излишний сциентизм не приемлем для философов морали, которые пытаются отстаивать независимость этических суждений. Так, по словам французского философа А. Бадью, произошло обесценивание ссылок на этику в социуме, проявившееся в том, что «имеют место “национальные комиссии по этике”, назначаемые Государством... Одно за другим задумываются о своей “этике” профессиональные сообщества... Во имя “этики прав человека” предпринимаются даже военные экспедиции... В результате «перед нами самый настоящий нигилизм и угрожающее отрицание всякой мысли» [2, с. 7, 15-16]. Еще более ярко боязнь приведения к закономерности и предсказуемости человеческого поведения выражена у О. Г. Дробницкого: «Они (человеческие действия) в виде бесконечной цепи причин и следствий... Человек здесь рисуется <...> в виде некоего раз и навсегда заведенного автомата, в котором воздействия извне запечатлеваются в его “устройстве” или “программе”, что затем и производит с необходимостью определенные действия. Так, вообще говоря, действует *любой природный объект*, но не человек как субъект» [5, с. 268].

Однако стало очевидным, что излишнюю загадочность человеческой сущности придает невозможность ее раскрытия только изнутри философского знания – нельзя игнорировать ценные эмпирические открытия в других областях знания. Кроме того, известно, что если говорить об эмоциях как таковых, то этот термин, скорее, принадлежит психологии, этика же говорит о синонимичных аффектах, в связи с чем, эмоции считают иррациональным компонентом морального сознания, а также импульсивными по характеру их возникновения. Однако на примере стыда мы видим, что он не возникает спонтанно – для этого существуют определенные причины, которые можно установить, рационализировать.

Специфика стыда как эмоционального состояния, понимание которого восходит к работам Р. Бенедикт [3] и А. Хеллер [11], состоит в том, что он является реакцией на разоблачение нарушений нормы или недостатков личности (реакцией на «потерю лица»). Для психологов, присоединяющихся к этому пониманию, стыд является барьером, предохраняющим человека от совершения действий, снижающих его благоприятный

социальный имидж. В перспективе этой интерпретации болезненные переживания, маркируемые словом «стыд» (от гнева на самого себя до отвращения к себе), порождены неудачными попытками удержать «позитивное общественное внимание». Они играют ту же самую роль, что и чувство физической боли в отношении телесных повреждений. При таком подходе стыд оказывается атавистичной моральной эмоцией, пережитком синкретичных нормативных систем, не знающих строгих разграничений между моралью, обычаем и правом. Его атавистичность не исключает необходимости поддерживать (воспитывать) способность к переживанию стыда у каждого из членов общества, поскольку человек, который регулирует свое поведение в связи с боязнью потерять лицо, лучше человека, который делает это исключительно в связи с боязнью физических (материальных) санкций. Однако стыд в этом случае не может быть центральным нравственным переживанием.

Открытия психологов второй половины XX в (начиная с работ неофрейдистов 1950-х гг. до исследований Дж. П. Тэнгни в 1990-х гг.) [12] продемонстрировали довольно условную зависимость переживания стыда от возможностей реального раскрытия нарушения или недостатка личности другими людьми. Они по-новому поставили вопрос о специфике чувства стыда и его необходимости – наряду с чувством вины. Критика стыда в свете этих открытий сосредоточилась на его негативных следствиях для нравственной жизни, а не на его недостаточности внутреннем и потому атавистическом характере. Стыд рассматривался как основа возникновения неразрешимых внутренних конфликтов, приводящих к дисфункциям и распаду личности, как эмоция, подталкивающая к совершению насильственных действий и замораживанию межличностных конфликтов. Однако если учесть предложенное Г. Тейлор понимание «фокусов» стыда и вины (один сосредоточен на несовершенстве личности, а другая – на отрицательном качестве поступков и потерях другого человека), то оба переживания: 1) имеют свои недостатки, 2) одинаково необходимы в процессе нравственного совершенствования, требующем как формирование устойчивых черт характера, так и совершение правильных поступков [13].

Таким образом, негативные последствия от переживания стыдливого состояния отмечают, прежде всего, психологи, которые полагают, что это приводит к возникновению внутриличностных конфликтов, а, следовательно, – к душевному дискомфорту, служащему потенцией к совершению нелицеприятных поступков. Мне представляется, что это не отражает должные реалии: во-первых, состояние не определяется всего лишь одной эмоцией – это всегда комплекс эмоций, поэтому нельзя с уверенностью сказать, что негативизм вызван исключительно переживанием стыдливости; во-вторых, если рационально подавлять стыд в силу того, что он мешает добиться поставленных целей, мы сможем наблюдать в этой связи усиление эгоистически направленных поступков, что не совсем плохо в рамках социально значимых задач, но неприемлемо в плане совершения истинно альтруистических действий – это приведет в лучшем случае к моральной индифферентности. Вот почему, если мыслить в границах индивидуально-перфекционистских форм морали, то стыд все-таки остается морально значимой эмоцией, служащей: с одной стороны, индикатором безнравственности, а, с другой – фундаментом для формирования этически значимых личностных качеств.

#### *Список литературы*

1. **Аристотель.** Никомахова этика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. 496 с.
2. **Бадью А.** Этика: очерк о сознании Зла. СПб., 2012. 126 с.
3. **Бенедикт Р.** Хризантема и меч: модели японской культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 256 с.
4. **Делез Ж.** Критика и клиника / пер. с франц. О. Е. Волчек и С. Л. Фокина; послесл. и примеч. С. Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002. 240 с.
5. **Дробницкий О. Г.** Моральная философия: избранные труды / сост. Р. Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. 518 с.
6. **Митько А. Е., Дружинин В. И.** Стыд // Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 476-478.
7. **Нэш Д.** К вопросу о дальнейшем изучении стыда. Размышления на основе британских исторических источников XIX в. // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI-XX вв.): сб. статей. СПб., 2011. С. 35-49.
8. **Соловьев В. С.** Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 656 с.
9. **Стыд** [Электронный ресурс] // Словарь по этике. 2010. URL: <http://moralphilosophy.ru/pg/styd.htm> (дата обращения: 15.02.2015).
10. **Этика:** учебник / под ред. А. А. Гусейнова и Е. Л. Дубко. М.: Гардарики, 1999. 493 с.
11. **Heller A.** Five Approaches to the Phenomenon of Shame // Social Research. 2003. Vol. 70. № 4. P. 1020-1029.
12. **Tangney J. P., Dearing R. L.** Shame and Guilt. N. Y.: Guilford Press, 2002. 139 p.
13. **Taylor G.** Pride, Shame, and Guilt: Emotions of Self-Assessment. N. Y.: Oxford University Press, 1985. P. 53-107.

#### **SHAME: ETHICAL ATAVISM OR MORALLY SIGNIFICANT EMOTION?**

**Abramova Anastasiya Vladimirovna**, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor  
*Russian International Academy for Tourism (Branch) in Tula*  
*anastya7@yandex.ru*

The article deals with the ethical and philosophical interpretation and terminological analysis of such an emotion as shame. The positive and negative aspects of the manifestation of this emotion are given through the lenses of classical and contemporary ethical researches, and its significance in moral life is identified. Moreover, the author makes the opposition comparison of the psychological and ethical-philosophical understanding of the consequences of the experience of shame, which is necessary in order to ascertain its role within the framework of the individual, perfectionist and social forms of morality.

*Key words and phrases:* shame; moral norm; moral purpose; guilt; rationality; individual perfectionism; emotional experience.